

Теоретические основы моделирования системной бедности на примере Центральной Азии

Ф.И. Аржаев¹, В.Ю. Андрюхин², Д.В. Сапрынская³

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС); Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

^{2,3} МГУ им. М.В. Ломоносова

Проблема бедности – одна из самых неоднозначных в научном дискурсе. Наличие многочисленных теорий и их различная интерпретация делают теоретические наработки в этом вопросе применимыми для достижения целей, отличных от его разрешения. Политический контекст и мотивированность тех или иных акторов, использующих тематику бедности в своей деятельности, накладывает значительные ограничения на объективную оценку ситуации. Центральная Азия столкнулась с проблемой бедности достаточно давно, однако до сих пор этот вопрос остаётся нерешённым. В странах региона ситуация различна, однако все они подвержены высоким рискам из-за того, что бедность в Центральной Азии приобрела характер системного явления, что обуславливает необходимость адаптации существующих научных наработок к региональным особенностям. В статье выдвигается гипотеза о том, что в рамках проблемы бедности в странах ЦА факторы сохранения бедности связаны друг с другом в порочные круги, разрыв которых возможен через системные решения в трёх общественных сферах – образования, рынка труда и институтов развития. Для её проверки проведён тест бедности на системность, выделены основные характеристики проблемы для каждой из рассмотренных стран. Проанализированы факторы сохранения бедности, выявлены наиболее значимые из них и доказана взаимосвязь выделенных факторов и трёх названных сфер. Последние оказались наиболее значимыми для регионального подхода к вопросам бедности.

Совмещение статистических данных, низкое качество которых формирует основное ограничение исследования, и результатов эмпирико-логических заключений позволило выделить и обосновать существование двух связанных порочных кругов бедности в регионе – порочного круга факторов сохранения бедности и порочного круга бедности и её последствий. На основе полученных в результате эконометрического моделирования данных выработан ряд рекомендаций, направленных на создание базы дальнейшего снижения остроты проблемы в центральноазиатских государствах. Предложенные рекомендации сформированы

УДК: 338, 316.334.2, 369.011.4

Поступила в редакцию: 28.09.2022 г.

Принята к публикации: 30.11.2022 г.

с учётом сложности и малореализуемости комплексных и одномоментных решений проблемы бедности и призваны запустить механизм оценки ситуации и её первоначального разрешения.

Ключевые слова: бедность, Центральная Азия, порочный круг, эконометрическая модель бедности, факторы сохранения бедности, системность бедности, решение проблемы бедности, экономическое развитие

Бедность в современном мире – сложная, неоднозначная и политизированная проблема. В основе большинства современных теорий, объясняющих её, лежит политическая мотивация. Ряд значимых международных институтов использует эти теории при разработке стратегий борьбы с бедностью (Wang, Guo 2022). Однако в условиях геополитической и экономической нестабильности полагаться на решения, имеющие под собой необъективную подоплеку, рискованно. Опора на политизированные решения особенно опасна при выработке рекомендаций для такого непростого региона, как Центральная Азия (далее: ЦА).

Авторы исследования обобщают основные положения существующих теорий, чтобы объяснить природу бедности в ЦА. Сопоставление различных теорий ведёт к экономически обоснованному выводу о системном характере проблемы бедности в регионе, объясняющем безуспешность ранее принятых мер по улучшению ситуации, несмотря на значимые усилия, как со стороны государств, так и международных акторов в ЦА. Большинство принимаемых ранее решений отличали несистемность и ориентация на устранение частных проявлений проблемы бедности. В итоге её остроту удавалось на время сгладить, однако при серьёзных внешних шоках бедственные явления в обществе возобновлялись.

В исследовании выдвигается и проверяется следующая гипотеза: в рамках проблемы бедности в странах ЦА факторы сохранения бедности связаны друг с другом в порочные круги, разрыв которых возможен через системные решения в трёх общественных сферах – образования, рынка труда и институтов развития. Для проверки гипотезы последовательно решался ряд исследовательских задач: систематизированы положения основных теоретических подходов к разрешению проблемы бедности; разработана максимально объективная экономическая модель системной бедности в Центральной Азии; проанализированы связи между факторами сохранения системной бедности в ЦА с использованием эконометрических методов; предложены актуальные и системные меры для стимулирования социально-экономического развития региона на основе внутренних факторов роста.

При оценке выбранной гипотезы использованы эмпирические методы исследования, методы статистического анализа и эконометрического моделирования. В ходе исследования выявлено серьёзное ограничение – низкие объём и качество

доступных статистических данных по странам ЦА. Это не позволило использовать модели с большим количеством независимых факторов. Такое ограничение было нивелировано через глубокое рассмотрение существующих теоретических подходов и практических действий стран в деле преодоления бедности.

Значимый результат исследования – формирование модели порочных кругов бедности и доказательство её состоятельности для большинства стран ЦА. Представленная модель в полном виде адекватна в Туркменистане и Таджикистане, в меньшей степени в Киргизии. При этом гипотеза о связи трёх факторов сохранения бедности доказана через эконометрические модели для всех стран ЦА, кроме Туркменистана. Другой значимый результат работы – представлен ряд рекомендаций по устранению проблемы бедности в ЦА.

Теории бедности в международном контексте

Международное научное сообщество осмысливало и решало проблему бедности на основе широкого перечня теорий и концептуальных подходов. Опишем основные из них и выделим свойственные им характеристики.

Наиболее широкий обзор современных теорий бедности представлен в критической статье, подготовленной А. Аддае-Коранки (Addae-Korankye 2019). В труде выделены следующие теории, объясняющие причины и модели развития бедности: теория индивидуальных недостатков; теория систем культурных убеждений; теория экономических, политических и социальных искажений; теория географического неравенства; теория кумулятивных и циклических взаимозависимостей (Addae-Korankye 2019: 56-57, 58-59]. Важность детального обзора основных теорий бедности подчёркивал в своей работе Т. Брэдшоу (Bradshaw 2007). По мнению учёного, современные теории бедности крайне политизированы, а потому анализ конкретной ситуации в выбранном государстве на основе отдельной теории может влиять на выбор конкретных мер по преодолению бедности среди населения (Bradshaw 2007: 8).

Теория индивидуальных недостатков воплощает политизированную природу современных теорий бедности. М. Рэнк (Rank 2004) и М. Самети (Sameti, Esfahani, Haghighi 2012) считали, что данная теория вдохновлена американской моделью индивидуализма, которая устанавливает личную ответственность гражданина за факт его пребывания в состоянии бедности. Она гласит, что лишь индивидуальные негативные качества личности следует принимать во внимание при изучении причин бедности в обществе. Данная теория привела к формированию концепции унаследованного интеллекта, которая обосновывала справедливость факта наличия бедного населения, приписывая данной категории населения некие негативные качества (Bradshaw 2007).

Теория систем культурных убеждений исходит из того, что бедность – результат воплощения ошибочных моделей поведения среди населения, которые воспроизводятся через поколения (Olufemi 2022). Она обосновывает понятие

«культуры бедности», как совокупность ценностных и поведенческих установок, ведущих к сохранению проблемы бедности в отдельных социальных группах (Jordan 2004). Культура бедности формируется среди непривилегированных социальных групп в отдельных географических зонах, что также связывает эту теорию с теорией географического неравенства. Исследователи исходили из гипотезы о том, что культурные установки общества могут меняться, и это должно привести к искоренению бедности (McIntyre 2013). Критики теории систем культурных убеждений исходили из того, что сама теория объясняет механизм сохранения бедности, но не причины её формирования (Olufemi 2022). Также приверженцев индивидуалистических теорий бедности критиковали за уход от анализа внешних факторов (Davis, Sanchez-Martinez 2014).

Чтобы исключить эту критику, была сформирована теория экономических, политических и социальных искажений. Её сторонники рассматривают социальные, экономические и политические условия в обществе как основной источник дисбалансов в распределении благ, ведущих к бедности (Abdulai, Shamshiry 2014). Неравные начальные позиции в распределении талантов, навыков и капитала среди населения признаны основным источником неравенства, ведущим к поражению части населения в конкурентной борьбе (Jordan 2004). Р. Дэвис (Davis, Sanchez-Martinez 2014) и С. Хёрст (Gibbon, Nurse, Hurst 2019) указывали, что выполнение определённых работ и занятие постов в обществе требует приобретения знаний и талантов, на выработку которых требуются время и ресурсы. Если часть общества лишена возможностей для обретения умений и знаний, она будет обречена на бедность.

Продолжением данной теории стала теория двойного рынка труда, критикующая неоклассический подход в описании современной капиталистической экономики и указывающая на неравные условия для развития меньшинств, становящихся жертвами дискриминации (Addae-Korankye 2019). М. Рэнк подчёркивал, что отдельные демографические характеристики гражданина, его семейный и социальный статус, а также зона проживания могут обусловить более высокий риск попадания в страту бедного населения (Rank 2004). Теория экономических, политических и социальных искажений стала ответом на либеральный рыночный дискурс при теоретическом осмыслении природы бедности.

Теория географического неравенства пытается совместить положения конфликтующих подходов, основанных на учёте индивидуальных и внешних факторов бедности. Данная теория исходит из того, что риск бедности обусловлен географической зоной расселения социальных групп (Bradshaw 2007). Так возникло понятие «географии бедности», увязывающее пространственное расселение бедных граждан с наличием или отсутствием определённых факторов среды. К основным причинам бедности в отдельных районах сторонники теории географического неравенства относили следующие факторы: недостаток инвестиций, удалённость от источников природных ресурсов, плотность населения, низкую диффузию инноваций (Abdulai, Shamshiry 2014).

Теория географического неравенства связана с рядом других концепций: теорией экономической агломерации, теорией центральных мест, концепцией выборочной эмиграции, теорией пространственного несоответствия (Addae-Korankye 2019). Указанные теории описывают единый механизм: в центрах накопления природных и человеческих ресурсов также накапливается потенциал экономического роста. В то же время удалённые территории не получают должного развития, а наиболее перспективная часть местного населения мигрирует в центры развития. В удалённых районах формируется долгосрочная бедность, трансформирующаяся в культуру бедности.

Теория кумулятивных и циклических взаимозависимостей (или циклическая теория бедности) объединила непротиворечивые положения ранее представленных теорий, стремясь представить проблему бедности как циклический процесс. Бедность как неспособность граждан обеспечить удовлетворение базовых потребностей становится результатом кумулятивных или циклических шоков (природный катаклизм, экономические и политические шоки, т.д.), что также запускает цикл ухудшения социально-экономической ситуации в обществе. Часть населения, лишённая базовых благ в силу внешних шоков, исключается из процесса воспроизводства общественных благ, что запускает новый цикл экономической рецессии: снижение спроса на блага – сокращение производства и спроса на труд – рост безработицы и увеличение доли бедного населения (Addae-Korankye 2019: 59). Задача государства и общества в данном случае – разорвать цикл расширения проблемы бедности среди населения, создав новые стимулы для социально-экономического развития.

Обратимся к интерпретации и синтезу описанных теорий применительно к Центральной Азии.

В рамках исследования важно определиться с тем, что подразумевается под системностью проблемы бедности в ЦА. Системность – свойство объектов, при котором они характеризуются связанностью друг с другом и взаимозависимостью. При этом сами объекты обособлены, обладают набором собственных количественных и качественных характеристик (Толпыкин 2011). Для системности характерно наличие активного взаимодействия между объектами.

Рассматривая гипотезу о системном характере бедности в Центральной Азии, следует обозначить основные факторы (объекты системы), способствующие сохранению бедности как интегрального результата. Для решения этой задачи проведён обзор академических исследований и аналитических публикаций на тему причин появления и сохранения бедности, выделены наиболее часто встречающиеся из факторов.

Второй шаг работы направлен на выявление связей между самими факторами и интегральным результатом. Проведён эмпирический анализ развития проблемы бедности в регионе, при котором выбранные факторы инкорпированы в предложенную модель порочного круга бедности. Модель представляет собой замкнутый цикл, в рамках которого развитие предыдущего фактора

$n-1$ приводит к сохранению фактора n , который в свою очередь влияет на фактор $n+1$. При этом факторы $n-1$ и $n+1$ связаны аналогичной зависимостью через t факторов. Формирование такой модели и доказательство её состоятельности при описании реальной ситуации в странах ЦА позволяет количественно и качественно оценить конечное влияние каждого из названных факторов на бедность.

Для количественно-качественной оценки факторов бедности применяется регрессионный анализ, однако в рамках этого исследования есть специфика применяемого метода. Из-за низкого качества данных и их невысокой частотности для пропущенных данных применялся метод линейной интерполяции. Это позволило исключить проблему пропуска первых или последних значений в ряду данных для каждого из факторов. Длина ряда данных невелика – она составляет 11 периодов. В этой связи использование инструментария МНК с дальнейшей оценкой робастных ошибок видится неэффективным из-за исключительно низкой точности и широкого доверительного интервала. В то же время модель Бокса – Дженкинса (Магнус, Катышев, Пересецкий 2004) даёт двукратный разброс границ 95% доверительного интервала относительно прогнозируемого значения. Удовлетворительное качество модели в исследовании достигнуто при использовании взвешенного МНК (Грин 2016).

На основе трёх описанных выше шагов гипотеза исследования принимается, если факторы низкого качества образования, недостатка рабочих мест и неразвитости институтов развития применимы в рамках модели кругов бедности, а также фигурируют как значимые переменные сформированных регрессионных моделей.

По результатам исследования разработаны и предложены практические рекомендации, использование которых снизит остроту бедности в рассматриваемых странах и позволит реализовать экономические трансформации, направленные на разрыв порочных кругов бедности.

Проблемы системной бедности в современной Центральной Азии

Крайняя политизация проблемы бедности влияет на особенности разработки стратегий по преодолению данного состояния общества. Д. Джордан подчёркивал проблему дебатов между сторонниками концепций поведенческих/культурных и структурных (внешних) причин бедности, описанных ранее приведенными теориями (Jordan 2004: 18). Также он исходил из необходимости сопряжения личностных и структурных факторов при разработке политики по преодолению бедности. Необходимость многостороннего диалога при решении проблемы бедности также подчёркивал Д. Брэди, считая, что для успешного искоренения бедности важно применять концепцию междисциплинарного взаимодействия, привлекая экспертов из различных областей с разными точками зрения (Brady 2019).

Различные экспертные группы разрабатывали стратегии по преодолению бедности, определяя основные факторы бедности, объединяя их в объяснительные модели и предлагая решения. Е. Гарсия сформировал модель основных параметров бедности, включающую показатели уровня образования населения, благосостояния и качества здравоохранения (Cuenca García, Pabsdorf, Alvarez 2019). Исходя из представленной модели, им были сформированы решения по каждому из направлений.

В другом докладе, подготовленном Институтом Фрейзера, к основным причинам бедности относили факторы неудач и неверного выбора. Факторы неудач включали внешние обстоятельства, на которые бедный гражданин не мог повлиять, а параметры неверного выбора освещали те причины бедности, которые служили следствием безответственного поведения личности (Sarlo 2019). Авторы доклада попытались объединить позиции приверженцев поведенческого и структурного подходов в единой стратегии. Решение проблемы бедности авторы связывали со стимулированием разумного поведения граждан в сферах образования, трудовой деятельности и планирования семьи. Выступая против избыточных мер социальной поддержки, эксперты подчёркивали важность участия государства как актора, поощряющего разумное поведение граждан в избранных областях деятельности (Sarlo 2019).

Схожей позиции придерживались авторы из Брукингского института, которые также опирались на поиск решений в сферах планирования семьи, образования и трудоустройства, настаивая на важности смены моделей поведения среди граждан и недопущения долгосрочной бедности (Aber, Butler, Danziger 2015). Взамен мер по выплате социальных пособий авторы стратегии предлагали стимулировать трудовую деятельность бедного населения, выплачивая пособия трудоустроенным гражданам с низкими доходами. Авторы доклада также подчеркнули значимость проблемы растущих расходов на образование, призывая государство к активной поддержке программ доступного и качественного образования для граждан (Aber, Butler, Danziger 2015).

При подготовке циклической модели бедности в рамках данного исследования авторы также опирались на указанные принципы и ключевые положения основных теорий бедности. Было важно учесть противоречия и возможности для совмещения основных теорий бедности, чтобы сформировать реалистичную модель причин бедности в ЦА. При разработке решений были учтены международные стратегии, адаптированные к локальным условиям центральноазиатских стран.

В большинстве перечисленных выше теорий в том или ином виде фигурирует отсылка к образованию, рынку труда и низкому качеству жизни как причинам бедности. Однако необходимо отметить, что эти факторы бедности связаны друг с другом не только через индивидуальные поведенческие особенности, но и экономические механизмы. В Центральной Азии отследить конкретные количественные результаты достаточно сложно из-за низкого качества статисти-

ки, потому авторы исследовали их вне контекста количественного влияния – на уровне качественных взаимозависимостей.

Низкое качество образования неизбежно ведёт к тому, что характеристики рабочей силы ухудшаются. Подготовка квалифицированных кадров требует больших затрат и индивидуального подхода, обеспечить который в рамках системы «образование как услуга» трудно. Качество высшего образования в отдельных странах Центральной Азии значительно отличается. В общий рейтинг QS World Universities 2023 включено 16 казахстанских университетов (но только пять – в топ-500) и один киргизский университет (узбекские, таджикские и туркменские вузы не представлены вовсе¹). Только Казахстан и, в меньшей степени, Киргизия имеют относительно качественную систему образования (в Казахстане на 2017 г. обучалось более 496 тыс. студентов) (Jonbekova 2020), однако казахстанские студенты зачастую отбывают на обучение за границу, в основном в Россию и Китай². В Туркменистане доступ к высшему образованию ограничен, в Таджикистане и Узбекистане его качество, как показывает статистика выше, невысокое.

Описанная ситуация с образованием приводит к тому, что высококвалифицированные кадры – редкость для стран ЦА. Они обучаются преимущественно за рубежом, где шанс получить работу и лучшие условия труда выше, чем на родине. В странах ЦА эти специалисты имеют зарплату, незначительно отличающуюся от доходов на пороге бедности. Происходит утечка квалифицированных специалистов. Это провоцирует миграцию образованного населения, тогда как качество рабочей силы, остающейся в странах региона, остаётся исключительно низким. Это ведёт к тому, что экономическая система не в состоянии производить высокотехнологичные или хотя бы конкурентоспособные товары. Тут уместно вспомнить, что основа экспорта стран ЦА – сельскохозяйственная продукция по льготным механизмам ЕС (Прохоренко 2019), тогда как промышленные товары практически в полном объёме закупаются за рубежом.

Низкая эффективность сельского хозяйства и низкие зарплаты в данном секторе ведут к тому, что работать становится некомфортно с психологической точки зрения (фактически отличия в условиях жизни работающих от неработающих незначительные в Туркменистане, Таджикистане и Узбекистане)³ и невыгодно с экономической (производимую низкоконтентную продукцию затруднительно сбыть по цене выше себестоимости). Результатом становится высокая безработица, что ведёт к низкому качеству жизни, высокой вынужденной ми-

¹ QS World University Rankings 2023: Top global universities. *TopUniversities*. URL: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2023> (accessed 14.08.2022).

² Education system profiles. *WENR*. URL: <https://wenr.wes.org/2021/07/education-in-kazakhstan> (accessed 07.08.2022).

³ Мюллер К. 2003. Бедность и социальная политика в центральноазиатских государствах с переходной экономикой. *Отчёты и экспертные оценки 6/2003*. Бонн: Немецкий институт сотрудничества и развития. 123 с.

грации, нелегальным способам заработка⁴. В Казахстане и Киргизии проблемы с безработицей выросли после пандемии, что также указывает на то, что экономика этих стран зависит от внешней конъюнктуры рынка⁵.

Высокая безработица и низкий уровень доходов наравне с низким качеством социальных услуг и защиты (Spoor 2013) определяют низкое качество жизни. В силу историко-культурных особенностей исследуемых стран это ведёт к формированию узких, закрытых групп, стремящихся к самообеспечению, что невозможно в крупных городах. По сути, низкий уровень жизни провоцирует возврат к клановости, развитие радикальных течений традиционализма, что неизбежно создает риски для стабильности государственной власти и подрывает доверие к её институтам. Все вышесказанное особенно ярко проявляется в сельской местности (Spoor 2013). При этом безработица возникает и при исключении фактора низкой конкурентоспособности продукции из-за того, что нетехнологичная экономика имеет ограниченные возможности интенсивного роста, тогда как экстенсивный рост требует исключительно высоких затрат.

Ещё одна особенность Центральной Азии заключается в том, что низкая урбанизация закрепляет разделение населения на городское и сельское и усложняет выход из указанных групп⁶. Традиционализм, особенно радикальный, затрудняет развитие инноваций, кристаллизует сформировавшееся положение. Экономически это выражается в низком количестве патентов в странах региона (Lemon 2020), низком финансировании науки и образования, использовании устаревшего технологического базиса производства. В свою очередь, отсутствие возможности и необходимости в развитии ведёт к отсутствию экономической целесообразности получения качественного образования.

Высокая политизированность и чувствительность проблемы бедности в ЦА выражается в ограниченном числе академических публикаций, подготовленных местными исследователями по данному вопросу. Одна из немногих работ, напрямую исследующая проблему бедности в регионе – публикация Дустмурадова и Гулмуродова, посвящённая причинам бедности в Узбекистане (Дустмурадов, Гулмуродов 2020). Эта работа осветила большой пласт идей, почерпнутых авторами из других исследований и на основе эмпирического анализа статистических данных. В частности, подчеркнута выраженная региональная специфика в распределении бедности в Узбекистане, с радикальным разделением между бедными и богатыми районами (Дустмурадов, Гулмуродов,

⁴ Capannelli G., Efendiyev R. 2019. Good Jobs for Inclusive Growth in Central Asia and the South Caucasus: Regional Report. *Asian Development Bank*. 134 p.

⁵ Безработица в Центральной Азии: есть ли решение? *IA-CENTR.RU*. URL: <https://ia-centr.ru/publications/bezrabotitsa-v-tsentralnoy-azii-est-li-reshenie/> (дата обращения 15.08.2022).

⁶ Dobrinsky R. 2017. *Promoting innovation in Central Asia – Shaping new markets*. UNECE background paper. Special economic forum "Innovation for the SDGs in the SPECA region". 37 p.

2020: 16). Более активную работу по исследованию проблемы бедности в ЦА ведут выходцы из региона, действующие в рамках зарубежных научных институтов. Пример – публикация Батсайхана и Дабровски (Batsaikhan, Dabrowski 2017), в которой авторы привели подробный анализ динамики развития центральноазиатских республик за период после распада СССР, уделив большое внимание вопросам бедности.

При высокой чувствительности темы бедности в ЦА местные исследователи вынуждены избегать комплексного рассмотрения проблемы, ориентируясь на частные факторы и проявления данного социального феномена. При этом стратегия решения частных исследовательских задач также не всегда приносит нужные результаты. К примеру, в работе Д. Джонбековой (Jonbekova 2018) подчёркнут феномен методологических и этических проблем, с которыми сталкиваются исследователи вопросы образования в ЦА. Другой пример частного исследования, затрагивающего проблему бедности, не называя её напрямую – работа А. Хамидова (Hamidov et al. 2022). Авторы исследуют проблему обеспеченности региона базовыми ресурсами, подчёркивая важность устойчивого развития ресурсных систем отдельных центральноазиатских государств. Наконец, яркий пример исследования, посвящённого проблемам на рынке труда в ЦА, что также связано с феноменом бедности – работа Т. Дадабаева и Ж. Соипова (Dadabaev, Soipov 2020). Авторы обращаются к феномену вынужденной образовательной и рабочей миграции из стран ЦА, при этом не обозначая роль этих факторов для динамики региональной бедности.

В задачи данной статьи не входил полный обзор взглядов исследователей из ЦА на проблему региональной бедности. Краткий обзор актуальных публикаций указал на чувствительность темы и отсутствие широкой дискуссии по данному вопросу в региональных академических кругах. В этих условиях актуальность исследований по данной теме, проводимых зарубежными авторами, резко возрастает.

«Порочный круг» факторов бедности (рисунок 1) объединяет все перечисленные выше проблемы. Отметим, что в данном случае рассмотрен полный порочный круг бедности, выход из которого за счёт внутренних факторов экономического развития невозможен. В исследуемых странах он существует в таком виде только в Туркменистане и Таджикистане. В Казахстане и Узбекистане он отсутствует в явном виде, однако значительная часть населения живёт на границе бедности, что ярко продемонстрировал рост социально-экономических проблем, вызванных пандемией. Таким образом, порочная модель в этих странах может сформироваться в результате любого значимого кризиса, а с учётом турбулентности мировой экономики риски этого сценария очень высоки. В Киргизии в рамках циклической модели отсутствует фактор конкурентоспособности продукции благодаря её членству в ЕАЭС, что не мешает существованию порочного круга.

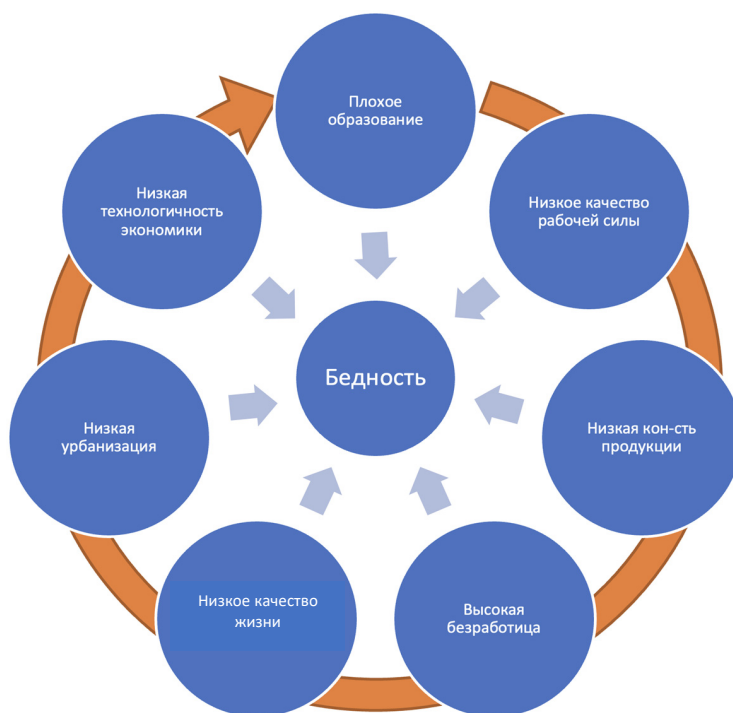

Рисунок 1. Порочный круг факторов сохранения бедности в Центральной Азии

Figure 1. The vicious circle of factors that perpetuate poverty in Central Asia

Источник: составлено авторами.

Факторы сохранения бедности, приведённые выше, не описывают все поведенческие предпосылки бедности. В условиях бедности и безработицы часть населения ищет источники доходов, мигрирует в другие регионы или страны. Другая часть населения готова обратиться в том числе и к нелегальным возможностям заработка, что ведёт к росту преступности. В обществе, живущем в закрытых группах и в условиях социального недовольства уровнем жизни (Конаровский 2017), проблема преступности тесно связана с афганским узлом терроризма и наркотрафика (Васнецова 2019), что стимулирует экспорт наркотиков из Афганистана по сложившимся маршрутам в Центральной Азии. Это создает условия для становления удобной бизнес-модели для наркоторговли и преступности, которая содействует дальнейшей радикализации общества или его отдельных групп.

В исламских странах, к которым относятся исследуемые государства, наиболее распространённой формой радикализации общества является религиозный радикализм (Matveeva, Giustozzi 2018). Политические акторы национально-религиозного (исламистского) толка пытаются воспользоваться социальным недовольством для достижения собственных целей. В то же время не стоит считать, что религиозному радикализму более подвержены только бедные слои:

молодёжь из относительно образованных слоёв населения также находится в зоне риска (Васнецова 2019). Парадоксальным образом это связано с порочным кругом последствий бедности (рисунок 2). При этом стремление разорвать порочные круги неконвенциональными методами порождают дополнительные риски, но не разывают сам круг.

Большое значение для развития проблемы бедности имеет феномен коррупции. По мнению некоторых исследователей (Ildirar, Iscan 2015), коррупция не провоцирует бедность напрямую, но создаёт условия для разрушения социально-экономической системы государства, что ведёт к росту уровня бедности в обществе. Значимость фактора коррупции для развития стран ЦА после развала СССР также подчёркивали авторы региона (Batsaikhan, Dabrowski 2017), относя коррупцию к наиболее разрушительным факторам в современной истории центральноазиатских республик. Однако в рамках настоящего исследования коррупция не включена в модель порочных кругов факторов сохранения бедности в ЦА, поскольку оценка её влияния на формирование основных факторов бедности в ЦА количественно затруднена, что не позволило бы эффективно применить выбранные методы анализа к проблеме бедности. Изучение роли фактора коррупции в рамках созданной модели является задачей дальнейшего исследования, основанного на принципиально иных, качественных методах.

Рисунок 2. Порочный круг бедности и ее последствий
Figure 2. The vicious cycle of poverty and its consequences

Источник: составлено авторами.

Значимой ремаркой относительно бедности в Центральной Азии можно считать её пространственную неоднородность (Cieślowska 2016). Здесь имеет-

ся в виду тот факт, что в зависимости от рассматриваемого района бедность в странах региона может значительно отличаться, в том числе по причинам, предпосылкам её появления и последствиям. Во многих случаях это будет нехватка водных ресурсов, повышенные риски преступности, недостаток социальных благ и тому подобное. Таким образом, некоторые промежуточные звенья в циклических моделях бедности могут появляться и исчезать, если рассматривать это явление на региональном или местном уровне.

Следующим этапом исследования стало проведение регрессионного анализа. Был использован набор показателей, каждый из которых служил для оценки связи высшего образования, рынка труда и институтов, способствующих сохранению бедности (через свободный коэффициент и оценку остатков). Перечислим их: процент населения в соответствующей возрастной группе, зачисленный в высшую школу; среднее число учеников на одного учителя в высшей школе; доля занятого населения в возрасте старше 15 лет; доля занятого населения в возрасте 15–24 лет.

Использование показателей доли занятого населения обосновано следующей логикой – факт нахождения рабочего места выпускником означает качество высшего образования и наличие компетенций, соответствующих требованиям работодателя. Тот факт, что качество диплома остаётся главным критерием при трудоустройстве в странах ЦА, подтверждается актуальным исследованием⁷. К сожалению, нет данных о доле выпускников вузов, получивших работу, или более подробных данных о структуре занятости в возрасте, к примеру 25–35 лет (лучший возраст для наблюдения за первоначальной судьбой выпускников вузов).

Зависимая переменная – доля бедного населения на границе 5,5 долл. в день. Для стран ЦА отсутствуют данные по бедности среди работающего населения. Объективно нельзя не отметить такие недостатки модели как малая выборка и отсутствие данных по значимым показателям.

На основе моделей (таблица 1) сделаем ряд выводов. В Казахстане показатель доли зачисленных в вузы относительно коэффициента бедности был неэластичен, что ожидаемо. В случае Киргизии, Таджикистана и Узбекистана наблюдается положительная эластичность. Это может объясняться феноменом растущей бедности из-за платы за образование. Качество образования слишком низкое, при этом плата за обучение ложится тяжёлым бременем на малоимущие семьи, а конечный результат незначительно отличается от того, как если бы дети не получали высшее образование. Это подтверждает отрицательный коэффициент при значении работающей молодежи от 15 до 24 лет в Киргизии

⁷ Seitz W. 2019. *Where They Live: District-Level Measures of Poverty, Average Consumption, and the Middle Class in Central Asia*. Research Support Team. World Bank. 82 p.

и Таджикистане. Учащиеся не получают реального образования и навыков, а их семьи несут затраты на образование при отсутствии роста в уровне экономической мобильности. В Киргизии та же ситуация. Результаты регрессионного анализа показывают, что зачисление в высшую школу – важнейший параметр снижения коэффициента бедности.

Отрицательное значение коэффициента при показателе работающего населения в Казахстане и отрицательное значение коэффициента при показателе работающей молодежи, с учетом того, что для Киргизии значимо и количество зачисленных в высшую школу, указывает на то, что наличие работы снижает уровень бедности. Однако это происходит с гораздо большей скоростью в Казахстане. В Киргизии это справедливо только для выпускников вузов, тогда как в Казахстане в силу наличия индустриальной экономики и спроса на рабочих без высшего образования этот эффект шире. В Таджикистане и Узбекистане эффект обратный: образование (отрицательный коэффициент при значении работающей молодежи) ухудшает перспективы, тогда как трудоустройство значительно снижает бедность. Человеку без высшего образования, но начавшему рано работать, гораздо проще преодолеть бедность в этих странах, чем получившему высшее образование. Это в значительной мере оправдывается миграционной политикой и возможностью зарабатывать за рубежом, однако не даёт выйти на значительно более высокие уровни дохода, оставляя гражданина на границе бедности.

Положительное значение константы в Казахстане и Узбекистане указывает на то, что факторы, не учтённые в модели, усиливают бедность. Для этих стран значимы урбанизация, низкий уровень жизни и низкая технологичность экономики. Так как названные страны отличаются большим экономическим развитием от других стран региона, это наблюдение указывает на то, что в зависимости от уровня экономического развития круг бедности может рассматриваться как два отдельных полукруга – базовые причины бедности (правая часть) и причины бедности в развивающихся странах (левая часть). Отметим, что для Киргизии и Таджикистана константа как раз имеет отрицательное значение. Для них низкая урбанизация, низкий уровень жизни и низкая технологичность экономики все еще оказывают эффект низкой базы в развитии экономики.

Неэластичность среднего количества учеников на одного учителя в Киргизии указывает на то, что образование в любом его виде пока что имеет положительный эффект на снижение бедности. При этом в Узбекистане эластичность этого показателя очень высокая, что характеризует систему образования страны как неэффективную и требующую реформ.

Таблица 1. Сводная таблица результатов моделирования бедности в странах ЦА, выдержка из отчетов Gretl, использованы наблюдения за 2010–2020 гг.

Table 1. Summary table of poverty modeling results in CA countries, extract from Gretl reports, observations for 2010–2020 are used.

	Казахстан	Таджикистан	Киргизия	Узбекистан
const	266,237	−416,504	−52,4079	746,758
WP15	−5,06414	26,5677	1,06358	−28,4539
WP24	1,53404	−30,6066	−0,321916	22,4146
ANP	0,920382	/	0,870374	5,59215
HSE	/	2,63339	1,19242	1,86481
Испр. R2	0,924171	0,913521	0,987597	0,999833
Стат. Дарбина-Вотсона	1,876131	1,150399	1,991121	1,511486
Р-значение (F)	0,000079	0,000124	1,64e-06	4,02e-12
Ст. ошибка модели	4,172662	2,077677	4,310264	1,629991

Источник: составлено авторами по данным отчетов Gretl.

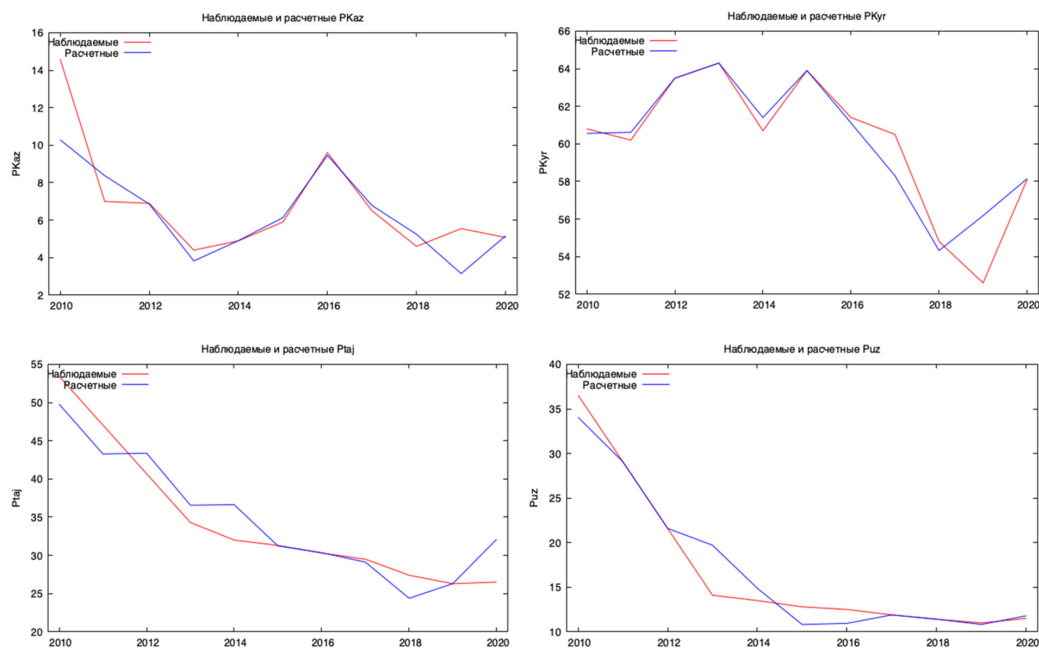

Рисунок 3. Распределение наблюдаемых и расчетных значений бедности в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане (слева направо, сверху вниз)

Figure 3. Distribution of observed and estimated poverty values in Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan (left to right, top to bottom)

Источник: составлено авторами по данным моделирования в ПО Gretl

Рисунок 3 отражает результаты моделирования бедности в рассматриваемых странах. Модели достаточно точно отражают динамику бедности.

Однако стоит отметить, что для Казахстана существует неучтенный в модели фактор. Из анализа выше логично предположить, что он должен отражать институциональную или пространственную структуру бедности в стране. Предваряя результаты моделирования, отметим, что уровень бедности в рассматриваемых государствах снижался, однако этот параметр исключительно неустойчив.

Результаты моделирования доказывают наличие чётко специфицированных факторов сохранения бедности, объединённых в единую модель циклического характера, промежуточные звенья которой присутствуют не во всех странах. Теории индивидуальных недостатков и систем культурных убеждений в значительной мере неверны для стран Центральной Азии. При предположении об их верности необходимо заключить, что население региона детерминировано принимать неверные решения на индивидуальном уровне и имеет значительные индивидуальные недостатки. Это неверно и не соответствует этическим, биологическим и физическим реалиям. Тем не менее нельзя полностью исключать влияние институтов и зависимости от предшествующего развития («path dependence») как факторов, способствующих сохранению бедности, хотя и не первоочередных.

Способы преодоления системной бедности в регионе

Разработка стратегии по преодолению бедности в ЦА требует детального учёта локальной специфики стран региона. К сожалению, в прошлом экспертное сообщество уделяло мало внимания комплексному изучению особенностей феномена бедности в ЦА. Рассмотрим основные положения ранее опубликованных академических работ и аналитических докладов в контексте полученных результатов данного исследования.

Одна из важнейших особенностей текущего этапа борьбы с бедностью в ЦА – спад темпов снижения уровня бедности. Эксперты Всемирного банка подчёркивают, что, несмотря на ранее достигнутые успехи по преодолению проблемы бедности, в текущих условиях старые решения более не дают должного результата (Cieślowska 2016: 2). Этот вывод особенно актуален для сельских районов, где проблема наблюдается наиболее остро. Тем не менее пространственный подход к вопросам бедности в работе международных институтов так и не используется в широкой практике. Причины спада темпов снижения бедности также указываются различные, не проводится системный анализ этих причин, выделяются рыночные конъюнктурные факторы.

Аналитический доклад за авторством В. Зейтца, с другой стороны, подчёркивает актуальную проблему пространственных дисбалансов в распространении бедности в ЦА. Дисбалансы в решении проблемы бедности в отдельных районах ведут к асинхронному развитию районов, что создает угрозы формирования ограниченных зон роста при деградации остальных территорий

стран⁸ согласно теории географического неравенства⁹. Отдельные точки социально-экономического развития созданы в крупнейших городах ЦА, в то время как большая часть страны лишена стимулов для развития (Cieślewska 2016: 16-18). Разброс в уровнях развития по районам актуален для всех стран ЦА, что видно из сравнения уровней среднего подушевого дохода и долей среднего класса среди населения отдельных районов стран ЦА (Charman 2011). Регион, однако, чаще всего рассматривается международными институтами как единая совокупность стран с примерно одинаковым уровнем развития. Особое внимание уделяется развитию институтов государственного управления, что противоречит результатам этого и ряда других исследований.

Прошлые исследования также подчёркивали высокую зависимость стран ЦА от кумулятивных и циклических шоков, а также пространственной модели распределения природных ресурсов. Часть стран ЦА обладает достаточным запасом ресурсов для преодоления бедности (Казахстан и Узбекистан), в то время как другие страны сильно зависимы от внешних ресурсных источников и не способны преодолеть бедность автономно (Charman 2011: 29). Этот вывод приводит к пониманию важности интеграции ресурсов и возможностей стран ЦА для совместного преодоления проблемы бедности.

Для каждой из стран ЦА также значима зависимость от внешних шоков различной природы. При этом для каждой из стран отдельные типы шоков являются значимыми в большей или меньшей степени. Экономика Таджикистана, основанная на сельском хозяйстве, крайне зависима от вызовов изменения климата и засухи (Cieślewska 2016: 12). Казахстан, как ведущая экономика региона, подвержен внешним экономическим и социально-политическим шокам. Примерами значимых шоков, повлиявших на успехи в борьбе с бедностью в ЦА, стали пандемия COVID-19, антироссийские санкции и – ранее – глобальный финансовый кризис 2007–2009 гг. Большая доля населения в странах ЦА находится на границе бедности и может вернуться в состояние нищеты за короткий период после удара внешних шоков по государствам региона. Для центрально-азиатских государств крайне важно достичь состояния экономической стабильности, при котором благосостояние населения будет менее зависимо от внешних шоков и вызовов.

Важный недостаток исследований в вопросе преодоления бедности в ЦА – отсутствие системного взгляда на причины и особенности данной проблемы в указанном регионе. Отдельные авторы подчёркивали значимость ранее пред-

⁸ Panajyan S., Paju A. Poverty Continues to Decline, but Pace of Poverty Reduction is Slowing in Central Asia. Press Release №: 2020/ECA/17. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2019/10/17/poverty-continues-to-decline-but-pace-of-poverty-reduction-is-slowing-in-central-asia> (accessed 20.08.2022).

⁹ Seitz W. 2019. *Where They Live: District-Level Measures of Poverty, Average Consumption, and the Middle Class in Central Asia*. Research Support Team. World Bank. 82 p.

ставленных аспектов, однако цельной и системной модели бедности в регионе представлено не было. Одна из немногих циклических моделей бедности в ЦА была разработана в докладе К. Мюллер¹⁰. Данная модель учитывала следующие этапы в цикле бедности в регионе: недостаток в финансах среди населения – спад в уровнях образования и здравоохранения – дальнейший спад в уровне доходов – низкая устойчивость населения к внешним шокам. В контексте ранее рассмотренных теорий бедности данная модель не рассматривает ряд важных факторов: роль культуры бедности, роль географии бедности и дисбалансов в обеспечении ресурсами отдельных стран ЦА, дисбалансы в распределении общественных благ среди социальных групп. Предлагаемая в текущем исследовании системная модель бедности закрывают серьёзный пласт отсутствующего знания, способствуя дальнейшему осмыслению проблемы бедности в ЦА.

На основе полученной системной модели бедности в ЦА предложим ряд релевантных мер по преодолению бедности. Предлагаемые решения основаны на оценке внутренних ресурсов и возможностей стран региона, носят характер первичных шагов к вопросу выхода из системной бедности и не претендуют на значение дорожной карты решения проблемы бедности. При подготовке рекомендаций авторы критически проанализировали существующие стратегии развития и преодоления бедности в отдельных странах ЦА, выявив преимущественно рамочный характер стратегий и недостаточное внимание к разработке конкретных механизмов. К примеру, текст «Стратегия–2050» как концептуальный документ, описывающий стратегию развития Республики Казахстан, указывает на различные проявления проблемы бедности и её решения. Однако не создается образа единого комплекса мер, направленных на улучшение ситуации с бедностью в регионе. Отметим, что отдельные страны, например Узбекистан, гораздо дальше продвинулись в планировании преодоления бедности, применяют современные подходы, но не могут в полной мере и одинаково реализовать меры этого документа на территории всей страны.

Первая рекомендация для составления стратегий преодоления бедности в регионе – учёт пространственных различий бедности. Центральная Азия – не холистически однородный регион, и даже в отдельных странах распространение бедности неодинаково в зависимости от районов. В этой связи при разработке политики в сфере бедности рекомендуется начинать с экспериментальных решений в отдельно взятых регионах. В научной практике не хватает достоверных результатов для масштабных рекомендаций, а также точной статистической информации о состоянии дел в странах региона.

Дефицит надёжной и актуальной статистики по проблеме бедности в ЦА определил следующую рекомендацию: формирование устойчивой и развива-

¹⁰ Мюллер К. 2003. *Бедность и социальная политика в центральноазиатских государствах с переходной экономикой. Отчеты и экспертные оценки 6/2003*. Бонн: Немецкий институт сотрудничества и развития. 123 с.

ющейся методологической базы исследования бедности и информационного фундамента для принятия решений в этой сфере. Сегодня получение данных о бедности и сведение их к единой методологии – отдельное исследование, реализация которого затруднена практически для всех стран региона, а для Туркменистана вообще невозможна. Для воплощения этого предложения в жизнь требуется гармонизация методологических основ статистической деятельности в странах региона. Для этого необходимо унифицировать законодательство стран ЦА, в первую очередь Казахстана, в сфере статистики¹¹. Проект Типового закона об официальной статистике для стран ЦА (ЕЭК ООН 2018) видится первым шагом к нормализации статистического обеспечения мониторинга и борьбы с бедностью. Государственным статистическим органам региона следует выделить единую систему показателей уровня бедности и корректно оценивать их для всех стран ЦА. Предлагается набор ключевых показателей:

- доля населения с ежедневными расходами ниже определённого уровня;
- доля населения, не имеющего доступа к базовым благам и услугам – образованию, здравоохранению, базовым типам продуктов;
- доля семей с низким уровнем подушевого дохода;
- децильные коэффициенты распределения населения по доходам.

В рамках исследования феномен работающей бедности освещается исключительно теоретически, однако известно, что это распространённое явление в ЦА. Разработка и внедрение единого стандарта оценки уровня работающей бедности в странах ЦА по методологии, применяемой Международной организацией труда (МОТ)¹² в значительной мере улучшит ситуацию. Также важно внедрение единой методологии расчёта показателей демографической нагрузки и поддержки среди населения стран ЦА, методологии расчёта показателей социального прогресса и субъективной удовлетворённости жизнью в странах ЦА¹³. Эти инструменты необходимо использовать для того, чтобы реализовать не только программу борьбы с бедностью, но и стратегию экономической трансформации для повышения благосостояния населения региона.

Принципы ESG (environment–social–governance) и SRI (socially responsible investing) показали свою полезность в повышении эффективности работы предприятий. Сегодня Казахстан является одним из лидеров в сфере развития ESG-

¹¹ Закон Республики Казахстан от 19 марта 2010 года № 257-IV «О государственной статистике» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.07.2022 г.), Закон Киргизской Республики от 8 июля 2019 года № 82 «Об официальной статистике», Закон Туркменистана от 31 марта 2012 года № 288-IV «О статистике» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 14.11.2017 г.), Закон Республики Узбекистан от 11 августа 2021 года № ЗРУ-707 «Об официальной статистике», Закон Республики Таджикистан от 12 января 2010 года № 588 «О государственной статистике» (с изменениями и дополнениями по состоянию на 22.07.2013 г.).

¹² Statistics on the working poor. *International Labour Organization*. SPI. URL: <https://ilostat.ilo.org/topics/working-poor/> (accessed 15.08.2022).

¹³ *Social Progress Imperative*. SPI. URL: <https://www.socialprogress.org> (accessed 15.08.2022); *Life Satisfaction*. *OECD*. URL: <https://www.oecdbetterlifeindex.org/topics/life-satisfaction/> (accessed 18.08.2022).

финансов и инвестиций на пространстве СНГ¹⁴. Этот опыт необходимо расширять и интегрировать в экономические программы стран Центральной Азии. Внедрение принципов ESG и SRI в Центральной Азии должно происходить при активном лидерстве и посредничестве Евразийской экономической комиссии (ЕЭК)¹⁵. На сегодня ЕЭК сформировал единый Банк климатических и цифровых инициатив стран ЕАЭС, который следует использовать как источник технологий для модернизации экономик стран Центральной Азии¹⁶, при этом роль ЕАЭС видится в формировании регионального источника стандартизации.

Гармонизация законодательства стран Центральной Азии в сфере ESG и SRI должна снизить барьеры для взаимного финансирования зелёных производств и сопутствующих инфраструктурных проектов. Доступ к программам по типу «Зелёный лизинг», ранее презентованной ПАО «Сбербанк» на круглом столе ЕЭК, призван обеспечить доступ к льготным кредитам для модернизации производств на пространстве Центральной Азии¹⁷. Развитие единой базы зелёных проектов в Центральной Азии совместно с унификацией национальных политик в сфере зелёного финансирования позволят инвесторам из стран Центральной Азии и СНГ совместно реализовывать перспективные проекты по решению экологических проблем государств Центральной Азии за счёт общих инвестиционных продуктов.

Страны ЦА не имеют чёткой специализации в мировой экономике, связанной с продукцией с высокой добавленной стоимостью. В связи с этим возникает их технологическое отставание. Одним из механизмов специализации может стать использование двусторонних и многосторонних фондов развития наподобие, Российско-Киргизского фонда развития¹⁸.

В связи с неустойчивым характером экономики стран ЦА инвестиционные риски в регионе очень высоки. Фонды, аналогичные названному с достаточной капитализацией, смогли бы взять на себя дополнительные риски как по кредитованию, так и по страхованию бизнеса, которые не могут взять на себя многосторонние международные финансовые организации (которой является ЕАБР, АБР и др.). В частности, они могли бы помочь с финансированием компаний, которые планируют релокацию в страны ЦА как российских, так и западных¹⁹.

¹⁴ Казахстан рассчитывает укрепить лидерство в ESG-повестке. *Независимая газета*. URL: https://www.ng.ru/cis/2021-10-19/100_2110191000.html (дата обращения 25.08.2022).

¹⁵ Председатель Коллегии ЕЭК обсудил с руководством Узбекистана возможности для активизации сотрудничества. *AK&M*. URL: https://www.akm.ru/press/predsedatel_kolleгии_eek_obsudil_s_rukovodstvom_uzbekistana_vozmozhnosti_dlya_aktivizatsii_sotrudnich/ (дата обращения 25.08.2022).

¹⁶ В ЕАЭС формируется банк климатических и цифровых. *ЕЭК*. URL: <https://eec.eaeunion.org/news/v-eaes-formiruetsya-bank-klimaticheskikh-i-cifrovyyh-iniciativ/> (дата обращения 25.08.2022).

¹⁷ «Сбер» предложил программу «Устойчивая Евразия». *SBER Press*. URL: <https://press.sber.ru/publications/sber-predlozhit-programmu-ustoichivaia-evraziia> (дата обращения 25.08.2022).

¹⁸ Российско-Киргизский Фонд развития. URL: https://rkdf.org/ru/o_nas/missiya_celi_i_zadachi (дата обращения 28.07.2022).

¹⁹ Президент Казахстана поручил создать в стране условия для релокации компаний, ушедших из России. *ASIA-Plus*. URL: <https://asiaplus.tj.info/ru/news/centralasia/20220714/prezident-kazahstana-poruchil-sozdat-v-strane-usloviya-dlya-relokatsii-kompanii-ushedshih-iz-rossii?ysclid=I6ef3h7zf7784875695> (дата обращения 28.07.2022).

Успех в преодолении бедности в Центральной Азии будет зависеть от темпов расширения внутренних рынков стран региона и потенциального уровня платежеспособного спроса среди населения. Для отдельных категорий бедного населения в городах целесообразно введение мер социальной поддержки в форме предоставления ваучеров на приобретение продуктов питания, произведённых отечественными агропромышленными компаниями. Предлагаемая мера должна служить стимулом для активизации экономической жизни в регионе, а не основой для сохранения зависимости части населения от социальной поддержки государства. Чтобы избежать риска сохранения долгосрочной бедности в ЦА, данное решение должно быть направлено на наиболее незащищенные слои общества – граждан в состоянии долгосрочной бедности.

Полученные в процессе исследования результаты, безусловно, требуют спецификации в соответствии с условиями конкретного региона их применения, а также дополнительной статистической проверки в каждом отдельном случае для экономики отдельно взятого региона. Однако их применимость для формирования стратегий развития на государственном уровне, дорожных карт преодоления бедности в Центральной Азии международными институтами, а также в качестве теоретической основы аналитических материалов коммерческих структур не вызывает сомнений.

* * *

Обзор литературы на тему бедности явно демонстрирует политическую ангажированность ряда теорий относительно факторов, способствующих её сохранению. Существующие экономические теории, обосновывающие бедность, для Центральной Азии не полностью подходят, так как не учитывают региональную специфику во всей полноте.

Важным выводом исследования является то, что фактически в настоящее время сформировано две модели порочных кругов – факторов и последствий бедности, которые связаны друг с другом и осложняют выход из системной бедности.

В рамках исследования доказано, что бедность в Центральной Азии имеет системный характер и для Таджикистана, Туркменистана и Киргизии укладывается в циклические модели порочных кругов.

Отсутствие порочных кругов бедности в Казахстане и Узбекистане носит нестабильный характер и может быстро трансформироваться в системную бедность. Низкое качество образования, низкая доступность рабочих мест и сохранение культуры бедности в этих странах доказано эконометрически, бедность там не побеждена, часть населения находится на её грани. В условиях турбулентности мировой экономики внешние факторы оказывают значительное влияние на развитие указанных государств. Отметим также отсутствие эффекта низкой базы и необходимость гораздо более масштабных трансформаций для дальнейшего снижения бедности.

Все страны региона обладают значительным потенциалом в вопросе преодоления бедности, однако внутренние драйверы развития ими используются не до конца. Предложенные меры имеют смысл только при реализации их в комплексе, с упором на информационно-статистическое обеспечение борьбы с бедностью. Более того, дальнейшие предложения по преодолению бедности можно строить только на основе надежной статистической базы, которой сейчас нет.

Об авторах:

Федор Игоревич Аржаев – кандидат экономических наук, старший эксперт Центра исследований отраслевых рынков ИПЭИ, РАНХиГС; старший научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. 119034, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: arzhaevfedor@gmail.com

Владислав Юрьевич Андриухин – аспирант МГУ им. М.В. Ломоносова, макроэкономист-аналитик. 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. E-mail: vlad.andriukhin@gmail.com

Дарья Викторовна Сапрынская – научный сотрудник ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова. 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1. E-mail: saprinskayadv@gmail.com

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности:

Статья подготовлена при содействии Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова.

UDC: 338, 316.334.2, 369.011.4
Received: September 28, 2022
Accepted: November 30, 2022

Systemic Poverty Modelling: Case of Central Asia

F.I. Arzhaev¹, V.Y. Andriukhin², D.V. Saprynskaya³
[DOI 10.24833/2071-8160-2022-6-87-86-111](https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-6-87-86-111)

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA); Financial University under the Government of the Russian Federation

^{2, 3} Lomonosov Moscow State University

Abstract: Poverty is one of the most controversial issues in the academic discourse. The numerous theories and their different interpretations make theoretical approaches to poverty applicable to achieve different goals but not the one of its eradication. The politization of

the problem and the motivation of political actors to harness the issue of poverty result in significant restrictions for objective assessment of the situation. Central Asia has been facing the problem of poverty for a long time, but this issue remains unresolved. The state of affairs differs a lot from one state to another in the region, however all of them are exposed to high risks since poverty in Central Asia has acquired the character of a systemic phenomenon. The abovementioned theses determine adaptation of the existing academic findings to regional specifics. The article hypothesizes that in Central Asian countries the factors of poverty persistence are linked to each other in vicious circles, the rupture of which is possible through systemic solutions in three public spheres – education, labor market and development institutions. To verify this hypothesis, the nature of poverty is put under test for consistency, the key characteristics of the problem for each of the Central Asian countries are highlighted. The major factors, contributing to the preservation of poverty are analyzed; the most important of them are revealed and logically connected to the three public spheres mentioned. The latter proves to be the most significant for the regional approach to poverty issues. The combination of statistical data, the poor quality of which represent a major limitation of the study, and the results of empirical conclusions has made it possible to identify the existence of two related “vicious circles” of poverty in the region – a vicious circle of factors of poverty persistence and a vicious circle of poverty and its consequences. Based on the data obtained through econometric modeling, a number of recommendations aimed at further reducing the severity of the problem in the Central Asian states have been developed. The proposed recommendations are formed considering the complexity and unrealizability of complex and simultaneous solutions to the problem of poverty and are designed to launch a mechanism for assessing the situation and its initial resolution.

Keywords: poverty, Central Asia, vicious circle, econometric model of poverty, factors of poverty persistence, systemic nature of poverty, solving the problem of poverty, economic development

About the authors:

Fedor I. Arzhaev – Candidate of Economic Sciences, Senior Expert of the Center for Research of Industrial Markets of the IPEI, RANEPA; Senior Research Fellow, the Institute for Research of International Economic Relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation; Vernadsky Pr., 84, Moscow, 119034. E-mail: arzhaevfedor@gmail.com

Vladislav Y. Andriukhin – Postgraduate Student of Lomonosov Moscow State University, Macroeconomist-analyst. Mokhovaya, 11, build. 1, Moscow, 125009. E-mail: vlad.andriukhin@gmail.com

Daria V. Saprynskaya – Research Fellow of the ISAA of the Lomonosov Moscow State University. Mokhovaya, 11, build. 1, Moscow, 125009. E-mail: saprynskayadv@gmail.com

Conflict of interest:

The authors declare the absence of conflict of interests.

Acknowledgments:

The article was prepared with the assistance of the Alexander Gorchakov Public Diplomacy Fund.

References:

- Abdulai A.M., Shamshiry E. 2014. *Linking Sustainable Livelihoods to Natural Resources and Governance*. New York: Springer. 198 p.
- Aber L., Butler S., Danziger S. 2015. *Opportunity, Responsibility, and Security a Consensus Plan for Reducing Poverty and Restoring the American Dream*. Washington: Brookings Institution. 88 p.
- Addae-Korankye A. 2019. Theories of Poverty: A Critical Review. *Journal of Poverty, Investment and Development*. №48. P. 55-62.
- Batsaikhan U., Dabrowski M. 2017. Central Asia – Twenty-Five Years after the Breakup of the USSR. *Russian Journal of Economics*. №3. P. 296-320. DOI: 10.1016/j.ruje.2017.09.005
- Bradshaw T.K. 2007. Theories of Poverty and Anti-Poverty Programs in Community Development. *Community Development*. №1. P. 7-25. DOI: 10.1080/15575330709490182
- Brady D. 2019. Theories of the Causes of Poverty. *Annual Review of Sociology*. №45. P. 155-175. DOI: 10.1146/annurev-soc-073018-022550
- Chapman G. 2011. Poverty in Central Asia: Kazakhstan versus Tajikistan. *Global Majority E-Journal*. №1. P. 19-30.
- Cieślewska A. 2016. Transforming the Social Role of Female Religious Professionals in Tajikistan. *Asian Studies Review*. №4(40). P. 510-526. DOI: 10.1080/10357823.2016.1229739
- Dadabaev T., Soipov J. 2020. Craving Jobs? Revisiting Labor and Educational Migration from Uzbekistan to Japan and South Korea. *Acta Via Serica*. №1. P. 111–140. DOI: 10.22679/avs.2020.5.2.005
- Davis E.P., Sanchez-Martinez M. 2014. *A Review of the Economic Theories of Poverty*. National institute of economic and social research. Discussion Paper №435. 65 p.
- García C.E., Pabsdorf M.N., Alvarez J.C.M. 2019. Factors Determining Differences in the Poverty Degree among Countries. *Resources*. №8(3). P. 1-19. DOI: 10.3390/resources8030122
- Gibbon H.M.F., Nurse A.M., Hurst C.E. 2019. *Social Inequality: Forms, Causes, and Consequences*. London: Routledge. 424 p.
- Hamidov A., Daedlow K., Webber H., Hussein H., Abdurahmanov I., Dolidudko A., Helming K. 2022. Operationalizing Water-energy-food Nexus Research for Sustainable Development in Social-ecological Systems: an Interdisciplinary Learning Case in Central Asia. *Ecology & Society*. №1. P. 1-17. DOI: 10.5751/ES-12891-270112
- Ildirar M., Iscan E. 2015. *Corruption, Poverty and Economic Performance: Eastern Europe and Central Asia (ECA) Countries*. International Conference on Eurasian Economies.
- Jonbekova D. 2020. Educational Research in Central Asia: Methodological and Ethical Dilemmas in Kazakhstan, Kyrgyzstan and Tajikistan. *Compare: A Journal of Comparative and International Education*. №3. P. 352-370.
- Jonbekova D. 2020. The Diploma Disease in Central Asia: Students' Views about Purpose of University Education in Kazakhstan and Tajikistan. *Studies in Higher Education*. №6. P. 1183-1196.
- Jordan G. 2004. The Causes of Poverty Cultural vs. Structural: Can There Be a Synthesis? *Perspectives in Public Affairs*. №2. P. 18-34.
- Lemon E. 2020. *Critical Approaches to Security in Central Asia*. London: Routledge. 272 c.
- Matveeva A., Giustozzi A. 2018. The Central Asian Militants: Cannon Fodder of Global Jihadism or Revolutionary Vanguard? *Small Wars & Insurgencies*. 2(29). P. 189-206.
- McIntyre L. 2013. *The Practical Skeptic: Core Concepts in Sociology*. New York: McGraw Hill. 304 p.

Olufemi P. 2022. Adeyeye Community and Institutional Responses to Flood Disaster in Osogbo, Nigeria. *Journal of Poverty, Investment and Development*. №61. P. 36-47.

Rank M.R. 2004. *One Nation, Underprivileged: Why American Poverty Affects Us All*. Oxford: Oxford University Press. 356 p.

Sameti M., Esfahani R., Haghighi H. 2012. Theories of Poverty: A Comparative Analysis. *Journal of Business and Management Review*. №6. P. 45-56.

Sarlo C.A. 2019. *The Causes of Poverty*. Vancouver: Fraser Institute. 64 p.

Spoor M. 2013. Multidimensional Social Exclusion and the 'Rural-Urban Divide' in Eastern Europe and Central Asia. *Sociologia Ruralis*. №2. P. 139-157.

Wang Z., Guo S. 2022. Politics of Poverty Governance: an Introduction. *Journal of Chinese Political Science*. №27. P. 205-219.

Dustmuradov O.I., Gulmurodov K.A. 2020. Uroven' bednosti v Uzbekistane i puti po yego snizheniyu [The Level of Poverty in Uzbekistan and Ways to Reduce it]. *Ekonomicheskije nauki*. P.15-17. (In Russian).

Rukovodstvo po modernizatsii statisticheskogo zakonodatel'stva [UNECE Guidelines for the Modernization of Statistical Legislation]. 2018. *EEK OON*. Geneve: UN. 167 p. (In Russian).

Grin U.G. 2016. *Ekonometricheskiy analiz*. Kn. 1 [Econometric analysis. Book. 1]. Moscow: «Delo». 760 p. (In Russian).

Konarovskiy M.A. 2017. Afganistan posle 2014 goda [Afghanistan after 2014]. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika*. №3. P. 242-253. (In Russian).

Prokhorenko I.L. 2019. Novaya strategiya Yevropeyskogo soyuza v Tsentral'noy Azii: vozmozhnosti i predely "myagkoy sily" [New Strategy of the European Union in Central Asia: Opportunities and Limits of Soft Power. Analysis and forecast]. *Analiz i prognoz*. №4. P. 68-80. (In Russian).

Tolpykin V.Ye. 2011. Sistemnost' kak metodologicheskiy printsip sovremennoy post-neklassicheskoy nauki [Consistency as a Methodological Principle of Modern Post-non-classical Science]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. №7. P. 27-29. (In Russian).

Vasnetsova A.S. 2019. Vzaimosvyaz' terrorizma s organizovannoy prestupnost'yu [Relationship between Terrorism and Organized Crime]. *Natsional'naya bezopasnost'*. №5. P. 66-79. (In Russian).

Список литературы на русском языке:

Васнецова А.С. 2019. Взаимосвязь терроризма с организованной преступностью. *Национальная безопасность*. №5. С. 66-79.

Грин У.Г. 2016. *Эконометрический анализ*. Кн. 1. У. Грин; пер. с англ.; под науч. ред. С.С. Синельникова, М.Ю. Турунцевой. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 760 с.

Дустмуратов О.И., Гулмуродов К.А. 2020. Уровень бедности в Узбекистане и пути по его снижению. *Экономические науки*. С. 15-17.

Руководство по модернизации статистического законодательства. 2018. *ЕЭК ООН*. Женева: ООН. 167 с.

Конаровский М.А. 2017. Афганистан после 2014 года. *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. №3. С. 242-253.

Прохоренко И.Л. 2019. Новая стратегия Европейского союза в Центральной Азии: возможности и пределы «мягкой силы». *Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН*. №4. С. 68-80.

Толпыкин В.Е. 2011. Системность как методологический принцип современной постнеклассической науки. *Теория и практика общественного развития*. №7. С. 27-29.